

От посаженных Булатом берез не осталось следа

Каме. правда. - 1998. - 20 апреля. - с. 5.

Их срубили под корень еще в прошлом году, едва дождавшись смерти Окуджавы. А воспетый им дворик превратили в сплошной котлован...

Есть знаковые имена, которые накрепко связаны с тем или иным временем года, а точнее - с тем состоянием, в котором обычно в эту пору пребывает душа. Наступит солнечная осень - и сразу вспоминаешь Пушкина. Произнесешь «февраль» - на ум приходит тут же Пастернак: «...Достать чернил и плакать». А вот апрель в моем сознании - да, наверное, и не только в моем - неотделим от Окуджавы: «Из конца в конец апреля путь держу я...»

Более полугода назад мы проводили Булата Шалвовича в последний путь. И все же кажется, что в эти наступившие весенние дни он где-то здесь, он рядом с нами, он, как всегда, дежурит по забкому московскому апрелю. Об этом мы на днях беседовали с той, которой он посвятил многие свои стихотворения, - его женой Ольгой Владимировной. Теперь уже, увы, его вдовой...

Она долго смотрела на этот рисунок с печальной улыбкой. Помолчав, сказала: «Он был таким, когда мы с ним познакомились. Этот шарж ему бы понравился». - «Он и понравился. Посмеялся, шевелюру пригладил и вот здесь автограф поставил». - «Расскажите, когда и где это было».

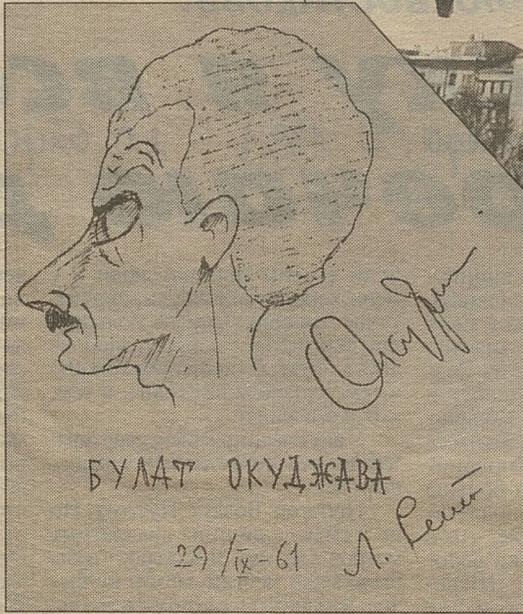
...Булат Окуджава тогда еще не был очень известен, выступал на студенческих вечеринках, в дружеских компаниях, небольших клубах. Наши только-только появившиеся магнитофоны, тяжелые, как противотанковая мина, отматывали самые первые метры записей его песен. Их подхватывали тихими голосами, и, как ни странно, они не теряли в хоровом исполнении своего обаяния.

Однажды, в 1961 году, его пригласили в «Пионерскую правду», и один молодой, начинающий журналист, пока Окуджава пел, набросал вот этот рисунок и показал его поэту. Он посмеялся, сказал, что очень похоже, и попросил подарить. А я пожадничал, оставил себе на память. Теперь вижу, что правильно сделал.

Потом мы встречались на бегу еще несколько раз, а два года назад я попросил Булата Шалвовича пройти со мной по Арбату и показать его любимые дома, вспомнить что-то из прошлого. Он согласился. Да только больше мы не встретились.

Ольга Владимировна, его жена, любимая женщина, прожившая с ним 35 лет, возвращая мне блокнот, снова улынувшись, сказала: «А знаете, вы даже раньше, чем я, с ним познакомились...»

Год - 63-й, когда они встретились, без особого труда вычисляется: именно в это время по-

Один из самых ранних шаржей на Булата Окуджаву, сделанный нашим обозревателем Леонидом Репиным, с автографом поэта. (Публикуется впервые).

являются стихи, ей посвященные. Но его посвящения не выпячивались на самый верх, над всем стихотворением, а таились в глубине между строк. Робкие, как первая любовь...

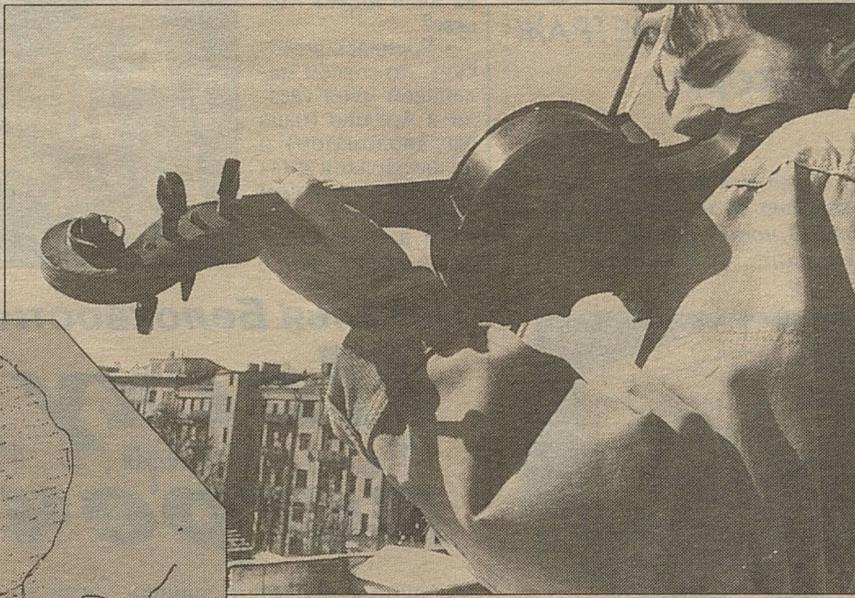
Она сейчас еще не может о нем говорить. Ей бесконечно трудно привыкать к совершенно неожиданно начавшейся иной жизни. Без него. Кажется, никогда прежде она о такой жизни не думала. Просто потому, что думать о том не хотела.

Теперь она живет, согревая душу воспоминаниями.

Осталось совсем немного его школьных друзей. Вот трое, кто из девятого класса тбилисской школы Булата на фронт провозжал: Зураб Казбек-Казиев, Филипп Тер-Микаэлян и Володя Мостков. Он приехал в Тбилиси одинокий, остро нуждавшийся в дружбе: отец расстрелян, маме суждено двадцать лет отсидеться в лагерях. А старый, бесконечно любимый арбатский двор - другая страна, иная земля - казался утраченным уже навсегда.

Так бы и случилось, если бы он не вернулся. Тогда бы нам не услышать его негромких, но таких пронзительных песен о старых московских улицах и об этом дворе, где он впервые стал думать о жизни. Он вернулся - судьба благоволила ему, не все же несчастья одни, нашел своих старых, довоенных, тоже школьных друзей, таких, как Паша Соболев. Но список их, и вначале-то не слишком большой, с каждым годом редел, лишь несколько имен теперь сохранив.

Окуджава очень любил собирать друзей на даче, в Переделкине. Ольга с улыбкой наблюдала, как он хлопчет - что-то сам готовит, не подпуская ее к

Реквием по арбатскому дворнику.

плите, а потом уходила. Она не хотела мешать их разговорам. В той жизни, о которой они говорили, и в которую погружались в воспоминаниях, ее еще не было, хотя она и знала ту жизнь - от самого Булата, из его песен-стихов, посвященных этому арбатскому двору и этому дому. Наверное, никакой другой московский дворик не был так воспет в нашей литературе. Вспомнить хотя бы это: «...и рай, замаскированный под двор, где все равны, и дети, и бродяги...»

Но ни в этом доме, ни в этом дворе, когда он вернулся в Москву после войны, места ему уже не осталось. В квартире, отобранной у «врагов народа», давно жили чужие люди, а двор, в котором он вместе с такими же арбатскими мальчишками сажал березы, принадлежал другому уже поколению. Только и осталось: эти березы, окрепшие и вытянувшиеся, да стены домов, по-прежнему замыкавшие до боли родную землю...

Его неудержимо тянуло сюда, и с трепетом, вполне осознанным, он шел сюда, как на встречу с любимым другом. Или как на свидание со своим собственным прошлым. Он проходил в эту низкую арку, что по соседству с шашлычной «Риони», и, преодолев темное, волнующее пространство, попадал в далекий - свой мир.

Он долго стоял здесь, в сторонке, стараясь никому не попасться на глаза, потому что боялся вторжения в его одному принадлежащие воспоминания, вслушивался в чужие, знакомые голоса и слышал в них голоса ушедших друзей, а в этих мальчишках, беззаботно гоняющих мяч под березами, что он посадил, видел себя. Ольга никогда не пыталась пойти вместе с ним, потому что знала: тот мир принадлежит только ему.

А теперь, когда Булата не стало, она вдруг почувствовала, что и ей двор сделался тоже родным, будто доставшимся в наследство от мужа. Только

горько сегодня ей видеть это наследство - развороченное, словно развороченное чужими жадными руками. Все пространство двора нынче занимает котлован, безобразными клыками торчат из земли ржавые сваи, а обнаженная земля кажется глубокой раной...

И его берез тоже нет. Ни одной, ни пня не осталось. Все повывернули в прошлом году, как будто дождавшись, когда уйдет из жизни человек, их посадивший.

А дача в подмосковном Переделкине, где он жил круглый год, и ему лично никогда не принадлежавшая, все еще хранит память о нем. И кто-то в любое время - зима ли, лето ли - кладет у калитки цветы. И небольшое собрание колокольчиков тоже осталось. Они подают свой голос при легком прикосновении к ним, наполняя комнату дрожжами голосами. Эти колокольчики Окуджава дарила разные люди, почему-то считая, что он собирает коллекцию, а он никогда ничего не собирал, просто любил иногда слушать тонкие, мелодичные звуки: И рябинка, им посаженная возле этого дома, тоже растет, и еще какие-то странные, как говорит Ольга Владимировна, растения, похожие на тростник, которые ему очень нравились. Здесь же, в этом доме, который Ольга Владимировна мечтает превратить в музей, остались его книги.

А потом она показывает свою удивительную коллекцию кукол, которые размножались в

этом доме тоже как бы сами собой. Некоторым из этих очаровательных дам Булат дарил знаки своего внимания. Как, например, вот этой жгучей брюнетке в лиловом вязаном платье, в томной позе расположившейся на уютном диване. А любил он, между прочим, больше блондинок. «А вот это, смотрите, - Булат... - и она подводит меня к потешной фарфоровой кукле, удивительно похожей на Окуджаву. - Это ему Резо Габриадзе подарил».

Обе ноги у куклы правые - «Потому что ты всегда прав, Булат!» А фарфоровая - «Потому что ты такой хрупкий, Булат...»

Она очень неохотно, а точнее, вообще ничего не рассказывает о том, как он мучился последнее время. Они приехали в Америку на операцию, а денег не было. Помню, тогда прокатилось по нашим газетам: срочно, немедленно нужны деньги на операцию. «И что же?» - спрашиваю. «Ни рубля не пришло из России».

«А его ордена? Ведь он прошел всю войну, можно на них посмотреть?» - «Нет никаких орденов. Разве только медали...» И она рассказывает о том, как он боялся, что ему к шестидесятилетию орден дадут. Очень он того не хотел. Звонит ему Белла Ахмадулина, а он волнуется: «Белла, а они не могут мне орден дать, меня не спросив?» Она его успокоила: нет, не могут. Ведь надо какие-то бумаги подписывать, анкеты. Он успокоился. Ведь всю свою далеко не рядовую жизнь он чувствовал себя рядовым солдатом, которому все эти награды и знаки отличия носить вроде как даже зазорно. Рядовым Любви, которой нам так не хватает сегодня.

Леонид РЕПИН.
Фото Анвара ГАЛЕЕВА.

От редакции:
По просьбе
Ольги Владимировны
сообщаем банковские
реквизиты Регионального
общественного фонда
Булата Окуджавы:
Для рублевых перечислений:
БИК 044525342
Корр. счет в РКЦ ГУ ЦБ РФ
к/с 3010181060000000342
ИНН 7718059973
Сокольническое ОСБ
№ 7969/1522 МБАК СБ РФ
счет № 40703810438070100993
Региональный общественный
фонд Булата Окуджавы.

Котлован здесь вырыли - почти по Андрею Платонову...

20.04.98
Окуджава Булат